

Содержание

Несколько слов о духовной радости: вместо предисловия	7
Подлинная радость и простое веселье	9
Духовная радость и духовная жизнь, или Путь к подлинной радости	18
Блаженство, счастье и радость — в текстах и в жизни	42
Радость и церковные праздники	62
Отец Георгий Бреев: радующийся	73
Сокровенная радость встречи	76
Потерянная радость и источники соприкосновения с подлинным	84
Радость VS Польза и важность ожидания	89
Радость встречи с Богом через природу и... искусство. Вдохновение извне	96

Ожидание радости в Церкви	104
Радость и призвание. Что нужно, чтобы состояться?.....	107
Быть рядом с человеком	115
Радость и мера в жизни духовной и повседневной	119
Выгорание как начало внутреннего пути	131

Несколько слов о духовной радости: вместо предисловия

Понятие «радость» — одно из самых частых в богослужении, в Священном Писании. Если мы возьмем такую форму молитвы, как акафист, увидим, что там слово «радость» постоянно употребляется. Мы читаем: «радуйся...», «радуйся...», «радуйся...»... Так же и в Священном Писании, особенно в Евангелии, — это слово встречается много раз. И, вообще-то говоря, вера наша христианская очень тесно сопряжена с радостью. К сожалению, мы об этом редко вспоминаем.

Любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание — все это плоды духа, по апостолу Павлу. Но радость — это и плод, и в то же время, наверное, одна из основ здоровой духовной жизни. см. Гал. 5:22

Слово «духовное» вообще подразумевает, что тело в этом не участвует. А у нас радость всегда с телесным сопряжена. Возникает вопрос: как отделить радость такого рода от обычного веселья? Радость духовная, наверное, все-таки имеет основу неземную.

Если так посмотреть на нашу жизнь, чему радоваться? *«Прах ты и в прах возвратишься»*. Человек Быт. 3:19

рождается на земле, много трудится на ней. Как говорит Давид, «срок нашей жизни — семьдесят лет, для того, кто крепок, — восемьдесят; и большая часть их — мұ́ка и труд», а в конце — смерть. В мире не так много свидетельств того, что он наполнен радостью, что наше рождение — это счастливый момент.

А иному много подтверждений, кстати говоря, находится в Священном Писании. Есть, например, Книга Екклесиаста. Я бы сказал, довольно скептическая по отношению к жизни: *«суета сует, — всё суета!»*, *«живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому*

что память о них предана забвению», — и так далее, и так далее. Некое забвение неизбежно, да и любая жизнь в итоге заканчивается, забывается, уходит в лету, в никуда — такой образ мысли как раз характерен для телесного, внешнего состава человека.

Если мы посмотрим, что осталось от наших предков, — практически ничего. То, что мы с вами наблюдаем: Египетские пирамиды, Стоунхендж, например, — это могилы, кладбище. Мало совсем осталось от искусства тех времен, практически ничего не осталось от словесности. И главное, что тогда приносило радость — откуда мы можем знать? Человек оставляет то, что связано с вечностью, оставляет надгробия, могилы. А как он переживал радость, что он чувствовал? Этого мы не можем сказать.

Но нечто о радости как особом состоянии души, о радости, ведущей к абсолютной свободе, мы все же знаем из собственного опыта.

И это как раз свойство духовной радости: она как дар Божественный в ответ на движение к Творцу, любовь в евангельском понимании. Человек движется к Богу, просит у Него радости, общения с Ним, и Бог дает ему это общение. А признак этого общения — радость. Радость духовная.

Вот, например, Серафим Саровский умел видеть радость во встрече с людьми. Как он приветствовал любого человека? «Радость моя, Христос воскрес!» И радость его — искренняя. Опять-таки что это? Тоже некий дар. Когда мы встречаем незнакомого человека, мы ведь не знаем, как сложатся наши отношения, поймет и примет ли он нас — неизвестно. И говорить о радости в нашем случае, наверное, нечестно: это было бы преждевременно. А у Серафима Саровского — искренняя радость встрече, это и свидетельствует о даре. Он не воспринимал другого как противника себе, несмотря на все то, что мог нести внутри этот человек (а каждый ведь несет в себе и хорошее, и худое). Вот такое восприятие мира, восприятие людей появляется у тех, кто наполнен духовной радостью.

Наверное, все-таки источник этого вдохновения — общение с Богом, которое может случиться, когда человек непосредственно перед Богом предстает. Это единичные случаи и очень короткие, потому что увидеть Бога в полноте, встретиться со Христом, Божией Матерью — это то, что редко бывает и, как правило, у святых.

А вот почувствовать Божественное присутствие через природу, через встречи с людьми — это возможно для любого человека, даже грешного. С одной стороны, Бог, придя в мир, уже открыл Себя миру в полноте, в телесном присутствии. Но с другой — мы находимся в непрерывном поиске Бога и можем и теперь Его встречать. А признаком встречи является та самая радость духовная, которая опять-таки вдохновляет человека на то, чтобы он продолжал свои поиски. Наверное, если бы не было этой радости встречи с Богом, дающей ощущение полноты, не было бы и Церкви, и богослужения, потому что посты, молитвы — все это труд, непростые вещи. И если бы они не приносили человеку плод духовный, может быть, мы бы уже утратили это все. Но радость — это еще и побуждение к духовной жизни, которое Господь нам оставил.

Собственно, в чем суть греха? Мы стараемся найти радость в том, что на самом деле ее не приносит. В этом смысле очень хорош рассказ Чехова, который так и называется «Радость». Студент прибегает домой, возбужденный, хочет поделиться с родными радостной новостью — про него написали в газете, и теперь его знает вся страна. А в заметке описано, как студент этот выходил пьяным из трактира, упал, его переехали сани, запряженные лошадью, и он чудом остался жив. Понимаете, Антон Павлович — замечательный психолог. Вот она, подмена радости, которая не дает наполнения. Человек начинает не у Бога спрашивать:

как мне понять жизнь, как мне радоваться этой жизни? Он начинает искать радость там, где получил ее замену. У кого-то это чревоугодие, у кого-то пьянство, у кого-то вот тщеславие. Но все это — то, что не утоляет жажду, а, наоборот, усиливает ее.

Ин. 4:14 Можно вспомнить, как Господь сказал самарянке: *«...кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»*. Так вот, этот источник и есть радость. Она не просто дается — она дается в избытке. И человек готов такой радостью делиться, потому что она не отнимается, а как бы проходит через него. Господь говорит: «Я дам воду, которая сделается источником».

А грех как раз только требует. Мы не получаем наполненности, делиться не можем, а, наоборот, все время жаждем. Нам нужно все больше, чтобы хоть как-то себя уравновесить.

Важно ведь вообще различать, где телесное, где духовное. «Есть действие от крови, — как Игнатий Брянчанинов пишет, — кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно <...> — из падшего естества нашего и познается потому, что порывисто, горячо, нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир». Мы путаем иногда телесное, кровавое, с подлинным, духовным, а нужно разделять.

И не подменять радость некой эйфорией, которая может наступать по иным причинам. В этой

эйфории, к сожалению, как раз одна из основ нашей греховности. Собственно, мы ищем радость, и наше сердце настроено на это: оно ищет радость и полноту жизни — то, что в Евангелии называется блаженством. А вместо этого находим веселье какое-то — то, что нам заменяет подлинную радость, некий эрзац.

В этом, наверное, и кроется самое страшное: Бог создал нас для радости, для полноты, для счастья, а дьявол стремится отнять не саму жизнь, а ее смысл, то есть радость подлинную, заменить ее удовольствиями. Он не хочет, чтобы мы жили в полноте, просыпались и благодарили за каждый день, — нет. Он вынуждает требовать все больше и больше земного хлеба. А хлеб небесный дается человеку в изобилии настолько, что тот не нуждается больше в насыщении.

— *А как духовная радость отличается от эйфории для самого ощущающего человека? Именно по проявлению. Вы сказали, что веселье затрагивает телесность человека. А духовная радость — нет?*

— Духовная радость тоже затрагивает, просто источник разный, понимаете? На примере того же чеховского рассказа: там источник радости — гордость. Человека буквально распирает гордость, и писатель над этим смеется.

Тело часто обманывает человека, оно не подчиняется нам, у него свои законы. Если мы начнем

слушать его и говорить: «Сегодня вроде неплохо себя чувствую, а завтра чуть похуже, голова заболела, стал унывать», — такая мнительность загонит нас в зависимость от собственных ощущений. И мы сами придумаем себе болезни, потому что надо же как-то объяснить свое состояние.

Вот у меня плохо на душе — почему? Потому что, наверное, какая-то болезнь у меня. А дальше — как у Джерома К. Джерома, когда, прочитав медицинскую энциклопедию, герой находит у себя все болезни, кроме родильной горячки, понимаете?

Так мы и начинаем фактически придумывать свою жизнь. А что такое фантазии? То, что тоже от лукавого. Жизнь, настоящая, подлинная, — от Бога. А фантазии как то, что подменяет эту жизнь, — нет.

Мы можем начать жить не тем, что есть, а тем, что нам хочется, тем, что мы нафантазировали, что придумали. А потом окажется, что реальная жизнь не соответствует придуманной, и мы начнем унывать: я-то предполагал вот это, а случилось вот то. Но на самом деле подлинной жизни-то в принципе достаточно для человека. Просто, бывает, желание увлечься фантазиями настолько сильно, что мы в них пропадаем. И тогда уже ничего не радует, нам нужно, чтобы все сбылось именно так, как мы придумали. А та жизнь, которая на самом деле, реальная, действительная, в которой тоже много сокровищ, в которой нам и нужно найти ту самую радость, — эта жизнь уже нас не удовлетворяет, мы уже не рассматриваем ее как нечто, на что можно опереться.